

этой среды уже в XVII в. были налицо все те данные, которые делали возможным появление произведений, подобных нашей Повести. Повидимому, и наша Повесть не была в этой среде явлением исключительным и единичным: помимо повести, о которой придется говорить ниже, по стилю, приемам творчества и задачам самых произведений к той же группе следует причислить несколько и ранее уже известных нам повестей и новелл, не укладывающихся в рамки рядовой серьезной повествовательной литературы XVII в., каковы: повести о бражнике, об Аггее, о молодце, коне и сабле, «о молодце и девице», наконец «Богатырское слово» и «Горе-злочастие» — все эти, как и некоторые другие, повести объединяются между собою (при различной, разумеется, степени талантливости и различии форм, в зависимости от источников) тем свободным отношением к книжной традиции, которую мы отметили в нашей Повести, близостью к устной словесности, своим стилем, сближающим их с этой словесностью и живой речью, а также своим более отчетливо выраженным чувством окружающей действительности — реализмом.

В частности, с методологической стороны, наша Повесть представляет тот интерес, что она, как очень несложная по композиции и построенная на вполне определенном, нам известном круге источников, дает

времени: в него вошли писания и старшего направления и нового западного; здесь находим: Сказание о посольстве (подложное, якобы 1570 г.) Ищеина в Царьград, Послание к кесарю Максимилиану (1576 г.), Лаодикийское послание (памятник эпохи жидовствующих), грамматику старого типа (т. н. Ио. Дамаскина), Сказание о знаках зодиака, о Сивиллах, Александрию, с другой стороны — новинки: Космографию и группу для «занятого» чтения, в которой — опять та же двойственность: старая Троянская «притча», Акир Премудрый, с другой — Повесть о семи мудрецах, Бова, Бруслан и среди них обе наши Повести о Михаиле, повесть о Басарге. Характерен этот состав и для владельцев сборника в XVII в.: монах-священник Карион Истомино, один из типичных людей переходного времени, «пестрый» (подробнее о нем см. исследование С. Брайловского, «Один из пестрых», СПб. 1902) и монахиня одного из кремлевских монастырей Любовь Степанова: видимо, сборником подобного состава интересовались люди среднего грамотного класса, уже вкусившие плодов от новых веяний в жизни и литературе. Кажется, эти литературные вкусы в этой же среде сохранялись и позднее, как о том можно судить по составу и записям сборника (ОЛДП, СХХХII, 8-ка, нач. XVIII в.), где нашлась еще в одном списке вторая из наших повестей; здесь находим: шутливую форму исповеди, изложенную живым языком, «Возрасты», широко распространенные в лубочной литературе с XVIII в., Акира Премудрого, популярное Сказание о «женской злобе», сказочное житие Петра и Февронии; сборник побывал в руках подьячего Андрея Симмакова, думного дворянина Ивана Семенова, сержанта Лефортовой слободы и др., наконец, крестьянина села Клементьева. Приблизительно о том же говорит и состав сборника Петровского времени № 238 собрания Тихонравова (Гос. Публ. Библ. им. Ленина в Москве), где вторая из наших повестей помещена между весьма распространенным Сказанием о Дмитриии Иоанновиче (в одной из поздних редакций) и чрезвычайно популярной в рукописях XVII и XVIII вв. Повестью о царице и львице (см. Г. П. Георгиевский, Рукописи Тих-ва, М. 1913, стр. 38). Рукопись принадлежала дьякону в г. Ярославле.